Никлаус хотел избежать лишних хлопот. Возвращение в этот адский дом не было вариантом. Ему нужно было найти место, где можно остановиться — возможно, уют, тихое, уединенное место, где его никто не побеспокоит. Но устраиваться туда официально? Слишком много проблем. Он решил, что с помощью своей новой способности к принуждению сможет держать персонал под контролем, пока не станет достаточно взрослым, чтобы начать самостоятельную жизнь. Начать свой бизнес, инвестировать... жить свободно.

Но сначала нужно было разобраться с незавершенным делом.

Никлаус сделал глубокий вдох, прищурившись. Он отметил свое "жилище" на карте в голове и, собрав силы, взмыл в воздух. Он летел достаточно низко, чтобы не попасть в поле зрения радаров, но достаточно высоко, чтобы сливаться с ночным небом.

Через мгновение он уже стоял перед развалюхой, которую некогда называл домом.

Никлаус услышал их, не доходя до дома. Стены не могли заглушить отвратительные звуки, которые ударили по его усиленному слуху. Голос его матери прорезал ночь, как ржавая пила, излучая странную смесь отчаяния и разврата.

— Давай... о-ох, сильнее! Не останавливайся! — пьяно выдавила она, ее голос был наполовину утонувшим в алкоголе и чем-то еще.

Голоса мужчин были грубыми и безразличными, лишенными всякой заботы о ней, кроме как о предмете их большого удовольствия.

— Заткнись и принимай, шлюха, — проворчал один из них.

Ее смех был резким, почти как хриплый крик, не похожий на человеческий звук.

"Она наслаждается этим?"

Никлаус слышал влажные звуки движущихся тел, скрип кровати под их весом, пока они жестоко пользовались ею, не обращая внимания на ее слова. Она попыталась снова заговорить, но другой мужчина заставил ее замолчать грубым ударом.

— Тише, — прорычал он, даже не взглянув ей в лицо. — Мы здесь не для того, чтобы тебя слушать.

Воздух в доме был густым от запаха пота, алкоголя и чего-то куда более мерзкого. Никлаус шагнул внутрь, стиснув челюсть, борясь с подступающей волной отвращения. Зрелище, представшее перед ним, было отвратительным — его мать превратилась в пустую оболочку, потерявшую себя в извращенных желаниях.

"Это могло бы стать моей жизнью, если бы я не пробудил свои силы?" — подумал Никлаус, его глаза сузились, осматривая происходящее.

Ее хриплый голос вновь пронзил его мысли.

— Ох... анх... — она попыталась произнести что-то, заметив его краем глаза.

Один из мужчин рассмеялся, даже не взглянув на нее, и резко толкнул ее вниз.

— Не важно, что ты думаешь.

Внутри Никлауса закипела темная, необузданная ярость. Его зрение затуманилось красным, когда жар в его глазах начал нарастать.

"Этому нужно положить конец," — подумал он холодно. Не говоря больше ни слова, он позволил своим силам взять верх. Узкий, контролируемый луч теплового зрения вырвался из его глаз, и отвратительная сцена исчезла в одно мгновение, превратившись в пепел и дым. Запах обгорелой плоти был улучшением по сравнению с тем, что было здесь до этого.

— Добро пожаловать в ад, — тихо произнес Никлаус, поворачиваясь прочь от дымящихся останков.

Он прошел дальше по дому, уже думая о будущем. В грязной ванной комнате он нашел своего отца, лежащего в луже собственной рвоты, полностью оторванного от реальности. Отвращение закружило в животе Никлауса, когда он стоял над ним. Его отец едва дышал, его тело было почти безжизненным.

Не раздумывая, Никлаус выпустил еще один всплеск теплового зрения. Тело мгновенно исчезло, не оставив после себя ничего.

"Конец," — подумал он, направляясь к газовым трубам. Он открыл их, позволяя газу заполнить дом. Когда он вышел на прохладный ночной воздух, он обернулся еще раз. Один точный всплеск теплового зрения — и дом взорвался в огненной вспышке.

Никлаус наблюдал, как пламя поднимается к небу, ощущая только холодное удовлетворение.

— Пора начинать с чистого листа, — прошептал он, прежде чем исчезнуть в ночи.

Пока Никлаус улетал от горящего дома, его мысли заполнялись темными размышлениями. Пламя позади него поглощало то небольшое, что осталось от людей, которые называли себя его родителями, но на самом деле они были не более чем монстрами, носившими человеческую кожу.

Они разрушили жизнь мальчика, который когда-то жил в этом доме, растерзали его по кусочкам, оставив после себя лишь сломленную оболочку.

Это была не просто их жестокость или насилие. Это была глубина их извращенности — то, как они продали своего сына в руки чему-то, что было хуже самого дьявола.

"По крайней мере, дьявол не был педофилом."

"Они взяли что-то невинное и бросили его волкам," — горько подумал Никлаус. "И ради чего? Ради своих больных удовольствий и эгоистичных желаний?"

Захороненная глубоко внутри ярость всплыла на поверхность, когда он поднялся выше в ночное небо. Убийство их не могло исправить весь тот вред, что они нанесли, но это было началом. Они больше никогда не причинят боль другой душе — никогда не разрушат другую жизнь.

И хотя это не вернуло Никлауса, который когда-то существовал, того, кто страдал от их рук,

это принесло ему извращенное чувство справедливости.

Он мог бы остаться в этом доме, сделать его своей базой и жить среди пепла своего прошлого. Но он этого не хотел. Он не хотел ничего, что связывало бы его с тем ужасом, который когда-то был его жизнью. Он хотел начать с чистого листа, без груза прошлого.

Поднимаясь сквозь облака, чувствуя, как прохладный ночной воздух разрезает его кожу, на его губах заиграла улыбка.

"У меня были ниточки, но теперь я свободен," — подумал он, повторяя знаменитую фразу Ультрона.

<http://tl.rulate.ru/book/116981/4670326>